

ЕВГЕНИЙ НИКОНЕНКО

Скоробогатов: с электрикой по жизни

Евгений Никоненко Скоробогатов: с электрикой по жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25911795

ISBN 9785448569098

Аннотация

Скоробогатов Александр Иванович – заслуженный строитель РСФСР, кавалер Ордена Трудового Красного Знамени, человек, ставший свидетелем развития Южно-Уральского электромонтажа и участвовавший в строительстве большинства крупных объектов Южного Урала и страны второй половины XX века: космодрома Байконур, олимпийского комплекса в Москве, промышленных объектов КамАЗа, УралАЗа, ММК... История его жизни будет интересна как узким специалистам в области электрики, так и всем любителям мемуаров и истории.

Содержание

Предисловие	5
Начало	7
Детство и юность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Скоробогатов: с электрикой по жизни

Евгений Никоненко

© Евгений Никоненко, 2017

ISBN 978-5-4485-6909-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

То, что мой дед не простой человек, я знал с самого детства. Потому что с малых лет слышал эти истории, вроде «дедушка Байконур строил, КАМАЗ и олимпийский стадион в Москве», «жили в Миассе... когда дед работал в Магнитогорске... это было в Златоусте». Немало из его уст вырывалось и различных курьёзных баек, случавшихся с ним или с его коллегами по работе, к которым он имел прямое или косвенное отношение. Накопившись в его памяти, они просто требовали своего отражения на бумаге. Дед, видно, понимал это и сам, так как году в две тысячи пятом он показал мне небольшую книжку, распечатанную на двадцати листах А4, в которой лаконично отразил всю свою жизнь и которую совершенно серьёзно хотел опубликовать.

Изобиловавшая голыми фактами, пестрящая именами и громкими фразами, она больше походила на информационную брошюрку, чем на автобиографическое произведение. Тогда же я и решил взяться за написание его биографии сам.

От слов к делу перешёл нескоро, да и написание самой книги оказалось не быстрым. Ещё какое-то продолжительное время она, что называется, вылёживалась, редко открываясь для внесения небольших правок или дополнений. Так уж получилось, что писать историю жизни реального челове-

ка, к тому же родного, значительно труднее, чем описывать создаваемые воображением выдуманные истории.

Как бы то ни было, в один момент я решил, что хватит. Пора заканчивать, ибо эта книга может бесконечно долго храниться на жестком диске в ожидании очередных дополнений в виде подробностей какой-нибудь истории или деталей конкретного временного промежутка, тем более что сведения эти становилось получать всё труднее и труднее. Поскольку дед старел, память подводила всё чаще, а бабушка, которая здорово помогала, дополняя рассказы деда многочисленными деталями обычной, повседневной, семейной жизни, без которых книга была бы скучной и сухой, и на которые дед обычно был скуп, и вовсе отошла в мир иной в две тысячи четырнадцатом. Поэтому всё постепенно само собой свелось к тому, чтобы книга была окончена такой, какая есть. Небольшой, разной по объему и восприятию в начале своего повествования и в конце, но, что важно, завершённой. Больше того, что в ней изложено, я считаю, сказать нечего. А если что-то и есть, то это уже останется за пределами страниц.

Поэтому желаю приятного чтения, и отдельная благодарность Бефусу Ивану Викторовичу и Седову Алексею Германовичу за помощь в восполнении некоторых пробелов повествования о периоде конца девяностых – начала двухтысячных годов.

Автор

Начало

– Ну, так с чего начнём?

– А не знаю. С чего ты думаешь лучше?

– Может быть с того момента, как ты появился на свет?

– Можно и с этого, хотя ничего особого в этом событии нет.

– Думаешь?

– Конечно, а что там особого? В один прекрасный день после непродолжительных мук мать родила меня на свет.

– Помнится, ты не один раз рассказывал, и там была какая-то интересная история. Что-то вроде того, что мать родила тебя на печи.

– Так и было. Только я совсем не понимаю, что здесь необычного? Она лежала на тёплой печи, а потом решила куда-то пойти. Спрыгнула и родила.

– То есть она просто спрыгнула с печи и вытолкнула тебя на свет?

– Да, просто спрыгнула с печи и просто вытолкнула на свет. Тогда вообще всё было просто. Просто рожали иногда и в поле, на сенокосе, а потом дальше принимались за работу. Не было никаких роддомов, ни врачей, ни акушеров. Всё было просто.

Я сижу за столом напротив деда и смотрю в это изборождённое морщинами лицо. Оно всегда выглядело каким-то

простодушным, немного наивным, что никак не сочеталось с его деятельностью. А сейчас соответствующее своему возрасту лицо и вовсе светится добротой, каким-то деревенским уютом и деревенской же простотой. В своих немалых годах дед стал поразительно походить на свою мать, мою прабабку: такое же круглое лицо, те же морщины и выражения мимики, та же любовь к простой деревенской пище: к «належным» и «картожным» ватрушкам, к пирожкам и пирогам, к вареной картошке, посыпанной свежей зеленью, что так приятно пахнет летом, к жирной и сочной сметане, к свежему деревенскому молоку. Словом, весь образ его у меня чётко ассоциируется с образом сытого пухлого кота, что с довольным выражением своей добродушной морды разваливается на мягком диване после вкусного обеда в лучах теплого летнего солнца. Он прожил большую насыщенную жизнь, и сейчас ему предстоит вновь просмотреть её от самого своего рождения до нынешних времён. Какие мысли витают в его голове? Что чувствует он, когда вновь предаётся светлым воспоминаниям, воскрешая в своем воображении все прожитые годы? События, что были словно вчера, хотя на самом деле их разделяет между собой целая жизнь! Жизнь, посвящённая любимому делу, дому, семье.

– Ну, хорошо. С эти разобрались, – продолжаю я, – ты объявил о своём существовании в этом мире громким криком прямо подле русской, наверняка, хорошо натопленной печки.

– Да, наверное, она была тепла, печь. Иначе чего бы мать на ней лежала? А жили мы тогда в бараке. Вернее не мы, а мои родители, поскольку я-то понятия не имел, что такое барак.

– А что за бараки?

– Обычное, может быть, слегка покосившееся, а может, и крепкое, только что построенное, сооружение, где жили семьи рабочих, собиравших приобретенные для золотодобывающего прииска механизированные плавающие фабрики – американские драги.

Жили в бараке скромно: одна комната на семью. Как мне, во всяком случае, рассказывали. Земляной пол, русская печь, деревянный стол, лавка – вот и всё жилище. Днём мужчины уходили собирать драгу, а женщины оставались дома, занимаясь хозяйством. В соседних комнатах одного барака жили разные семьи: большие, с множеством детишек, весело резвящихся на улице перед домом и в окрестных лесах, и малые, а то и вовсе молодожёны, какими и являлась семья Скоробогатовых.

– А где эти бараки-то располагались?

– В поселке Дrajном.

– Он и поныне существует?

– Нет. На его месте сейчас Ильменское водохранилище.

– То есть его просто затопили?

– Ну, да. За ненадобностью.

– То есть в один прекрасный момент он просто стал не ну-

жен?

– Что-то вроде того. Этот поселок был построен специально для работников, которые собирали эти самые драги. Драги собрали, пустили в эксплуатацию – и все. Какое-то время поселок, конечно, был, как обычное поселение, как деревня, но затем у высшего руководства, очевидно, появились планы по созданию водохранилища, которое удовлетворяло бы нуждам растущей инфраструктуры Миасса и близлежащих окрестностей, а потому людей просто переселили, и местность затопили.

– Получилось местное «прощание с Матёрой»?

Ильменское водохранилище

– Ну, поселки были, можно так сказать, молодыми. Они не считывали своей историей несколько десятков или сотен лет, а потому там не было того поселения, которое укреп-

пилось бы там своими корнями и кладбищами предков. Хотя не мне судить, я ведь при этом не присутствовал.

– Хорошо, вернемся к моменту твоего появления на свет.

– Давай вернемся. Тогда я скажу немного торжественно! Восьмого октября, когда мой отец, Иван Константинович, будучи слесарем, находился на работе, на сборке драги, мама моя, Прасковья Ивановна, лежа на тёплой печи, надумала куда-то идти и просто спрыгнула, вызвав тем самым, очевидно, схватки и дальнейшие роды.

– Она была одна? Я имею в виду тот момент, когда она рожала?

– Я не знаю. Во всяком случае, мне этого никто не рассказывал, а я и не спрашивал. Но, думаю, что на её крики сбегались соседские бабы. А отец уже прибежал потом, когда ему сообщили, что появился его наследник.

– Ты, значит, был их первым ребенком?

– Да. Первенец.

– А как твои родители вообще оказались вместе? Я имею в виду, познакомились?

– Ну... Это долгая история. Знаешь, думаю, будет лучше, если здесь я обращусь к прошлому. Я имею в виду к тем временам, когда батя мой еще и в проекте не значился.

– К родословной что ли?

– Ну да. Расскажу тебе всё, что знаю и помню. Хотя знаю и помню я немного, и это весьма прискорбно, поскольку составить в этом случае богатую родословную никак не полу-

чится.

– Думаю, что в нынешнее время немногие лучше тебя. Так что, я не думаю, что стоит сильно переживать по этому поводу.

– Ну, ладно. Успокоил. Тогда буду говорить, что знаю. Мой отец, как я уже сказал, Иван Скоробогатов, был родом из станицы Кундравы и являлся членом семьи, принадлежащей к Оренбургскому казачеству. Слышал о таком?

– Доводилось.

– Да. Оно было сформировано, если мне не изменяет память, еще в шестнадцатом веке. Но не об этом речь. Его отец и мой дед, Константин Матвеевич Скоробогатов, до революции был, по тем меркам, зажиточным крестьянином. Наша семья имела в Кундравах, так называемую, «заимку» – небольшой семейный хутор из нескольких домов, скот, лошадей, всю необходимую утварь, снасть и «лобогрейку» – приспособление, значительно облегчающее жизнь простого крестьянина.

– Это что еще за лобогрейка?

– Это такое механизированное устройство, которое посредством конной тяги не только самостоятельно косило траву и хлебные колосья, но и скидывало их на полотно, где, сидящая там, женщина-крестьянка связывала скошенную растительность в снопы. Что-то вроде миниатюрного конного комбайна.

Дед Константин был женат на Евдокии Васильевне Булы-

гиной. А вот про семью Булыгиных я знаю очень мало, практически ничего. Известно, что Василий Булыгин не принадлежал к казачеству, а был, чуть ли не учителем или фельдшером – в общем, что-то в этом роде. Но семья их была не менее богатая, чем наша. Точно так же, как и Скоробогатовы, Булыгины имели свою заимку, скот и утварь, и они, я даже точно знаю, на период летних работ нанимали рабочих из своей станицы и соседних сёл. Вот и всё, что я знаю о Булыгиных.

У моего деда Кости и бабушки Дуни было, без малого, одиннадцать детей! Представляешь? Всех поименно я уже не помню. И не помню отчасти потому, что на момент моего рождения в живых осталось только четверо: мой отец Иван, его брат Василий и две сестры Елена и Александра. Кто-то умер ещё в детстве, не пережив опасных и смертельных инфекций и заболеваний, но около четырех членов семьи, я знаю точно, погибли в результате чудовищного злодеяния, имевшего место быть в годы гражданской войны. Бабушка как-то рассказала мне эту историю, и я её здесь обязательно упомяну, но обо всем по порядку.

Поговорим теперь о революции. Революция на нашей земле начиналась в деревне Кочнево и в городе Миассе, где был, а может быть, и сейчас есть, единственный в России напилочный завод. Старейшие, грозящие обрушиться цеха и соответствующее им оборудование, на котором создавались напильники на всю огромную страну, – вот то место, где

страдал и на запретных собраниях строил свои планы мести мировому капитализму миасский пролетариат. Но пролетариат этот был немногочисленным, поскольку напилочный завод был единственным производственным учреждением во всей округе вплоть до самого Златоуста. Активисты же находились в той самой деревне Кочнево, Устинского района. Здесь была очень мощная подпольная ячейка РСДРП (б). Отсюда-то и пошло развитие большевизма и марксизма на окрестные земли.

– А как казаки к этому относились?

– Плохо. Все эти большевистские идеи, мысли, пронизательные тирады вызывали в них недоверие и отрицание. Может, это было вызвано и плохой агитацией. Ведь кто был заинтересован в смене власти? Пролетарии. Рабочий класс. А были ли они образованными? Или скажем даже иначе: были ли они полностью осведомлены в политике грядущей Советской власти? Сомневаюсь. Тогда были другие времена. Это сейчас в Интернете можно найти всё, что угодно, а тогда-то вся информация передавалась из уст в уста. Кто-то что-то услышал – передал другому. Тот рассказал следующему, преподнеся информацию уже так, как он это понял. Тем более Урал – это провинция. Понимаешь?

– Да, это логично, что в провинциальной местности рабочие вряд ли будут даже понимать всю суть идеологии коммунизма.

– И я про то же. Помимо рабочих за революцию были

кое-кто из военных, скажем так, воинская интеллигенция. Ну, там фельдшера, писари и прочие, но не казаки. Казачество-то испокон веков было на службе царя и отечества. Это было, можно сказать, сутью настоящего казака – защищать отечество, царя и христианство. А потому они просто не могли пойти против всего того, чему присягали они, их отцы, деды, деды их дедов и так далее.

Поэтому Революцию семнадцатого года они не поддерживали. Я так думаю по этим причинам, хотя могли быть и многие другие, спорить не стану. Но надо сказать, что не только на Южном Урале, но и по всей России была такая тенденция. Казачество, ко всему прочему, еще ведь являлось и богатым классом, поэтому неудивительно, что никто не хотел принимать власть Советов. Не поддерживали революцию и золотари, жившие в соседних селах и деревнях. Им тоже это было невыгодно, ведь они фактически, можно сказать, работали сами на себя, добывая золото. А тут все предлагалось отобрать и поделить! Поэтому нет сомнений, что на Урале было организовано мощное сопротивление силам коммунистов.

Поскольку наша семья в Кундравах считалась зажиточной, то дед, не желая принимать новую власть и отдавать нажитое кропотливым трудом хозяйство большевикам, присоединился в восемнадцатом году к Белым и, в одну ночь собравшись, запряг тройку лошадей и ускакал в направлении фронта.

– Оставив семью и хозяйство?

– Да! Просто взял и ускакал. Насколько я знаю, в те годы здесь, на Урале, сформировалось большое казачье войско, во главе с атаманом Дутовым, которое намеревалось оказать мощное сопротивление Красной Армии коммунистов.

Поэтому я думаю, что дед просто надеялся ещё вернуться. Наверняка, все казаки рассчитывали, что разгромят Красных и вернуться к нормальной жизни. Но он не вернулся... Что с ним стало? – так до сих пор и неизвестно. Погиб ли он на фронтах гражданской войны или, быть может, с другими казаками скрылся за китайской границей? Откуда-то был такой слух, что дед вместе с войском атамана Анненкова, переходя китайскую границу, послал каким-то образом весточку своей жене, моей бабушке! Правда это или всего лишь слух, думаю, так и останется тайной.

– Думаю, что такое могло быть.

– Да, вполне. Хотя, может, это и слух, связанный с тем, что остатки войска Дутова присоединились к армии Анненкова, которая намеревалась перейти китайскую границу. Но вернемся к нашей семье.

Василий, старший сын, был в ту пору женат, а потому оставшаяся одна с детьми Евдокия стала жить в общем доме с Василием. В этот-то момент и происходит тот самый ужасный случай, который был причастен к смерти остальных членов семьи! По неизвестным причинам жена Василия решила отравить всю семью!

– Ого! С чего это она вдруг решила?

– А даже и не знаю! Какие были у неё мотивы? Боялась ли она чего, желала ли отомстить мужу за какую-нибудь причинённую обиду, или же просто не хотела видеть в своем доме такое количество человек? Или же полюбила кого другого, быть может, большевика, и, желая избежать скорых событий, неизбежно произошедших бы в зажиточной семье, решила на такой поступок? Вроде бы, более вероятно именно эта история, но точная причина так и неизвестна. А факт остается фактом – что-то она подсыпала в еду, предназначенную для семейного ужина, и вся семья была отравлена, скована по рукам и ногам нервным параличом. Как говорила бабушка Дуня потом: «Сидели как корчажки». Только мой отец, будучи ещё ребёнком, и его старшая сестра Елена либо мало съели отравленной пищи, либо были менее восприимчивы – я не знаю – но именно они помогли моей парализованной семье отходить от яда. Где-то воды испить приносили, где-то, в силу своих возможностей, выносили на свежий воздух – в общем, всячески боролись за жизнь любимых людей. Но... Несколько человек всё-таки не пережили того рокового дня, в том числе, и самый младший ребёнок – Павлик, которого бабушка моя очень любила и долго потом оплакивала его утрату.

– Ужас! А что потом?

– Ну... оправились, похоронили тех, кто не пережил тот роковой вечер, и стали дальше жить. Разговор на тему, как

жили в ещё относительно спокойные и свободные двадцатые годы, у нас с бабушкой никогда не заходил. Тут я ничего не смогу тебе подробно рассказать, ибо действительно ничего не знаю. Каким образом рухнуло хозяйство? – Неизвестно. Куда пропали лошади, скот? – Неясно тоже. Поговаривают, конечно, что те, кто был поумнее и похитрее, каким-то образом вопрос о своей живности решали ещё до того, как началось раскулачивание, под которое попали только те, кто до конца верил в то, что он всё правильно делает, и что новая власть его не тронет. Но я так понимаю, что все разрушилось как-то само собой. Поскольку дед Константин пропал, а Василий, старший сын, после всех тех событий, что коснулись семьи, один уехал в поселок Ленинск и вступил в ряды золотодобытчиков, начав рыть золото в маленьких крайне опасных ветхих шахтах, именуемых «дудками». Сёстры, Александра и Елена, вышли замуж и переехали жить на Осьмушку и в село Филимоновское, что в окрестностях Ленинска. Понятное дело, что за хозяйством просто некому было следить, некому заниматься! Все исчезло, пропало, рухнуло в кратчайшие сроки. А потому в начале двадцатых годов и мой отец Иван с бабушкой последними покинули семейный дом в Кундравах, свое родовое гнездо. Впрочем, даже хорошо, что моя семья таким образом избежала той жестокой и беспощадной акции советского государства – насильственной коллективизации деревень и раскулачивания зажиточных крестьян. В противном случае, думаю, последствия

были бы куда более серьёзными и ужасными.

– А дом ещё поныне там?

– Да. Хотя, быть может, сейчас на его месте уже стоит другой, но помню годах в восьмидесятых заходил было разговор о том, чтобы вернуть этот дом себе.

– И чем это кончилось?

– Ничем. Отец мой как-то махнул на всё рукой, мол, бывшее всё это дело, и разговор на том кончился. Раз отец не хочет – значит не надо пытаться. Да и не особо хотелось этим заниматься. Я же был весь в работе, в стройке, в делах, сопутствующих моим высоким должностям. У братьев тоже была своя жизнь, семья. Поэтому, я думаю, просто не было должного интереса в этом деле, которое потребовало бы много сил и времени.

– Понятно. А что было дальше? После того, как все выселились из Кундратов?

– А вот на этом этапе начинается новая ветка в истории рода Скоробогатовых, где появляюсь и я. Хотелось бы сказать, что тихая, спокойная и мирная для всех оставшихся членов семьи, но, к сожалению, для Василия самое худшее было только впереди. Начав в Ленинском прииске новую жизнь золотодобытчика, Василий женился во второй раз на Прасковье Николаевне Колодкиной, заимел двух детей, и вроде бы жизнь налаживалась. Правда, работали они в крайне опасных условиях.

– Это почему?

– Связано с технологией производства....

Всё было хорошо и шло, как надо, но наступил мрачный для всего советского государства тридцать седьмой год. Став жертвой чьих-то сплетен и козней, Василий попал под массовые репрессии и был арестован по обвинению в том, что он, мол, со своими товарищами участвовал в подрыве некоей золотой шахты, тем самым, совершив контрреволюционное деяние против советского народа, и должен был понести наказание по какой-то там статье. В ночь на пятнадцатое ноября за ним приехали на черной вселяющей ужас машине и увезли туда, откуда он уже не вернулся. Долгое время никто не знал, что с ним произошло.

– Никаких вестей?

– Нет. Ничего. Тогда же было нельзя даже спрашивать о таком во избежание каких-нибудь последующих карающих событий. Ведь страх тогда сковал всю страну! Все боялись даже слово какое сказать не так! Черные машины, приезжающие по ночам, закованные в черную кожу безликие люди зарождали в людях поистине животный страх! Поэтому мы ничего не знали о Василии и даже не имели возможности узнать! Его потом реабилитировали, в пятьдесят девятом, и даже предлагали бабушке денежную компенсацию, но Евдокия Васильевна отказалась от этого. Деньги-то предлагали, а информацию о его судьбе так и не дали...

Информацию о его судьбе я нашел. Что называется, Ин-

тернет мне в помощь, благо такие сведения в наше время найти там не составляет особого труда. После получасовых поисков я обнаружил «Книгу памяти» по Челябинской области, где нашел следующие сведения: 29 ноября 1937 года, будучи приговоренным по статье 58-2-9-11 УК РСФСР, дедов дядя, Василий Константинович Скоробогатов, был расстрелян 9 декабря 1937 года в Челябинске и похоронен в братской могиле на «Золотой горке», что на окраине Челябинска близ поселка Шершни. Сейчас на этом месте находится мемориал в память жертвам сталинских репрессий.

Детство и юность

Уральские горы

Южный Урал. Красота этих мест не перестает поражать меня до сих пор. Старые, пережившие миллиарды лет и все виды земной жизни горы раскинулись на этой земле невысокими хребтами, ощетинившимися сотнями деревьев, трав и кустарников. Вид этих низких покрытых густой, непроходимой чащей, состоящей из сосен, елей, пихт и других листовенных и хвойных растений, вершин вызывает чувство какой-то таинственности, загадочности. Будто эти древние горы, пережившие динозавров, ставшие свидетелями той истории, которую мы изучаем по книжкам, знают все тайны ми-

ра и бережно хранят их глубоко в своем чреве. А вид затянутых туманной дымкой сине-зеленых склонов в пасмурную дождливую погоду моментально отсылает к мифам и легендам разных народов, вызывая в голове картины сказочных существ и чудовищ, доблестных и храбрых героев. Неудивительно, что эти места так богаты природными полезными ископаемыми. Гранит и известняк, железные и минеральные руды, алмаз, малахит, яшма – все это и многое другое сокрыто в недрах одних из старейших гор на Земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.